

Д. И. АРБАТСКИЙ

О ДОСТАТОЧНОСТИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Анализ трансформации синонимических эквивалентов — основных компонентов семантических дефиниций (ДФД и ДФН) — многими авторами ограничивается нахождением чисто языковых соответствий. Между тем сущность данного явления может быть понята лишь на основе связи определений с обозначаемыми ими предметами и явлениями окружающего мира. Семантические определения не только не закрывают собою стоящую за ними реальную действительность, но, напротив, являются весьма эффективным средством связи языка и объективного мира: инвариантом языковых трансформаций в процессе истолкования значения слов являются отраженные в сознании предметы и явления внешнего мира. Словарные определения классифицируют взаимоотношения слов и обозначаемых ими предметов, отражают существенные черты реального мира, являются по своей сути переводом с естественного или искусственного языка на «предметный» язык объективного мира. Однако эксплицитные (содержательные) определения не только связывают систему слов и вещей, они вместе с тем вносят новую, дополнительную информацию, т. е. являются носителем положительной разности в информации между определяющей (ДФН) и определяемой (ДФД) частями. Благодаря этому свойству семантические дефиниции не только фиксируют реальный смысл слова, но и одновременно уточняют, углубляют, формируют совершенно новые лексические значения (ср. толкования в словарях советской эпохи таких слов, как *нация*, *капитализм*, *государство*, *советы*, *бригада* и др.). Современные содержательные определения в значительной мере способствуют процессу формирования, развития, обновления семантической системы языка. Если же семантические дефиниции не содержат в себе никакой дополнительной информации, выражают только то, что известно до определения, они неизбежно оказываются тавтологичными, бесполезными для познания значения слова. Оценка семантической или словарной информации и составляет сущность проблемы достаточности семантических дефиниций.

В рамках чисто формальных дефиниций, служащих лишь для перевода с одного языка на другой, проблема достаточности решается весьма просто и однозначно. Здесь в процессе последовательного сведения слов со сложным смыслом к выражениям, в которых тот же смысл выражен более «эксплицитно», вполне достаточно ограничиться формальной точностью определения. В содержательных же толкованиях, имеющих цель изменить, преобразовать прежний смысл, углубить, обновить смысловое содержание слова, термина, то или иное решение данной проблемы делает необходимым трактовку лексического значения, методов его анализа, определяет характер создаваемых словарей. Принципиальное обсуждение этой проблемы весьма важно для разработки теоретических вопросов семасиологии и дальнейшего совершенствования лексикографической практики¹.

¹ См.: Ф. Н. Филин, О словаре языка В. И. Ленина, ВЯ, 1974, 6, стр. 6—8.

В качестве решающего критерия для установления количества семантической информации нередко предлагается известное формально-логическое требование эквивалентности или равнозначности ДФД и ДФН. «Определяющие значения „ВС“, — пишет Ю. Д. Апресян, — должны быть необходимыми и достаточными для определяемого значения „А“ (должны быть перечислены все семантические компоненты А и только они, определение должно быть точной синонимической перифразой определяемого)»². Для дифференцирующих или переводных семантических определений необходимость соблюдения этого требования — указывать необходимые и достаточные признаки — очевидна. Его нарушение может привести к ошибкам в понимании смысла слова, термина, к неточностям в словоупотреблении. Вместе с тем было бы не меньшей ошибкой рассматривать это требование как единый универсальный критерий. Оно неприменимо, например, для содержательных толкований, имеющих целью не столько разграничить, сколько раскрыть семантическое содержание конкретной синтетической лексики.

Возьмем, к примеру, слово *воздух*. Для выделения основного значения этого слова среди других значений достаточно указать один какой-либо семантический признак, например, его функцию служить средством дыхания («воздух — то, чем дышим») или его состав. Однако для раскрытия его современного содержания необходимо перечислить одновременно целый пучок таких признаков: состав, функцию, местонахождение и др. *Воздух* — «служащая для дыхания смесь газов, главным образом, азота и кислорода, составляющая атмосферу Земли». Для разграничения значений таких терминов, как *социализм*, *феодализм*, *капитализм*, *империализм* и под., достаточно указать на их временные рамки или порядок следования (или предшествования), друг другу. Однако для глубокого понимания содержания этих слов необходимо указание целого ряда наиболее существенных признаков: времени, генезиса, причины или условия возникновения, характера общественных отношений и др.

Абсолютизация разграничительного аспекта в семасиологии (Ф. Сосюр, Л. Блумфилд и др.) привела к тому, что смысл любого слова сводится к одностороннему противопоставлению. Между тем подавляющее большинство лексических значений современных живых языков — это пучки закреплённых за словом различных по качеству признаков, находящихся в разнообразных отношениях. В названиях веществ, материалов (*вода*, *земля*, *почва*, *алюминий* и др.) одновременно фиксируются такие существенные признаки, как строение (структура, состав), назначение или использование, цвет, запах, вес и др., в названиях растений, животных (*сирень*, *баобаб*, *черепаха*, *ягуар*, *кенгуру* и др.) отражаются такие семантические признаки, как морфологическое строение, место обитания или распространения, цвет или окраска, размер, запах, использование и др., в названиях инструментов, приспособлений, сооружений (*вожжи*, *подкова*, *зонтик*) указываются обычно одновременно и строение, и назначение (функция) и т. д. Эти признаки настолько выкристаллизовались в общественном языковом сознании, что без их указания в содержательном определении невозможно раскрыть и понять их современное содержание. Заметим, что многие выдающиеся лексикографы прошлого и настоящего (И. И. Срезневский, Х. Касарес, Ф. П. Филин, А. П. Евгеньева и др.) рассматривали такие содержательные определения как один из закономерных типов семантических толкований. В применении к специальной или общественно-политической лексике рекомендуются «сжатое энциклопедическое объяснение», «определение с элементами энциклопедизма»

² Ю. Д. Апресян, *Лексическая семантика*, М., 1974, стр. 95.

и т. д. В связи с развитием и углублением значений слов потребность в неформальных содержательных определениях постоянно возрастает, их игнорирование неизбежно ведет к снижению научной ценности толковых словарей.

Требование эквивалентности ДФД и ДФН неприменимо также к дифференцирующим толкованиям всем известных слов, обозначающих элементарные предметы и явления типа *стол, кровать, сидеть, стоять* и под. Для разграничения значений здесь нет необходимости давать подробное и точное описание соответствующих реалий. Ситуация знания (пре-суппозиция) делает вполне достаточными самые краткие и даже неполные определения, дающие первичное, основное отграничение. Рассмотрим следующее толкование к слову *костер*: «горящая куча дров, сучьев и т. п.». Несомненно, оно неточно, неполно, не отграничивает костер от огня в печи, пожара в лесу, не предусматривает сгорания в костре бумаги и других материалов. Однако данное слово и его смысл настолько хорошо известно всем читателям словаря, что указанное толкование является вполне достаточным, не требует никаких дополнений. Более точное определение — «комплектно уложенные в специально огороженном пространстве горящие куски твердого топлива» — воспринимается как излишне педантичное и избыточное. Аналогично приближенное определение к слову *бриться* «срезать бритвой волосы до корня» оказывается более предпочтительным перед более точным определением: «срезать волосы у самого основания движением острого инструмента по поверхности предмета», ибо в ситуации знания оно обладает той же степенью точности, что и второе. В этом смысле, вопреки формально-логическим штудиям, в общем толковом словаре оказываются вполне достаточными такие явно неполные определения, как *вермишель* «сорт лапши», *ягода* «небольшой сочный плод», *вилка* «столовый прибор», *кровать* «мебель для сна» и под. Всякие попытки их уточнения приведут лишь к удлинению толкований без увеличения их реального содержания.

Более того, попытки игнорировать пресуппозицию и соблюсти принцип соразмерности ухудшают толкования общеизвестной лексики, они открывают двери для внесения в толкование несущественной, ненужной информации, в которой тонет и в какой-то мере обесмысливается полезная и нужная информация. Покажем это на примерах тех толкований, которые Ю. Д. Апресян предлагает как новый этап в развитии и познании семасиологии. Обычные краткие толкования слов *догонять, бить, идти* (см. левый столбец) отвергаются им, поскольку они не отвечают строгому требованию соразмерности. Вместо них он конструирует весьма подробные толкования, которые в полной мере соответствуют формальным требованиям эквивалентности.

Догонять «стремиться поравняться с уходящим или с убегающим»

Бить «наносить удары»

Идти «двигаться, переступая ногами»

А догоняет В = «А и В перемещаются в одном направлении, и расстояние между А и В сокращается, и А находится позади В».

А бьет У-а Х-ом $\cong$ «А ударяет У-а Х-ом много раз подряд, стремясь причинить У-у физическую боль».

А идет из У-а в Z $\cong$ «А перемещается из У-а в Z, переступая ногами и ни в какой момент не утрачивая полностью контакта с поверхностью, по которой А перемещается»³.

³ Там же, стр. 108.

Нетрудно заметить, что, несмотря на¹ доскональную подробность, приведенные определения отнюдь не вносят что-либо новое для тех лиц, которые обращаются к словарю за справками. Едва ли найдется на свете человек, который бы не знал, что догонять может кто-то кого-то и они движутся в одном направлении, что кто-то кого-то бьет чем-то и имеет целью причинить физическую боль, что кто-то идет, как правило, откуда-то куда-то и при этом ни в какой момент не утрачивает полностью контакта с поверхностью, по которой он идет и т. д. Такие сведения, возможно, необходимы для машины, у читателей же, которые умеют писать и говорить, они могут вызвать лишь недоумение. Количество семантической информации увеличилось в два-три раза, но в такой же мере эти определения утратили свою эффективность. Таким образом, вопрос о количестве сведений, фиксируемых семантическим определением, не может решаться однозначно. Оно зависит от характера лексического значения и от ряда других причин. Это означает, что требование эквивалентности или соразмерности отнюдь не является универсальным требованием, оно относится лишь к одной группе семантических определений, имеющих в качестве главной цели разграничение значений, а не их истолкование.

В толковых словарях советской эпохи можно встретить немало примеров неудачного решения вопроса о количестве семантической информации в том или ином определении. Многие названия веществ, материалов, растений, животных получают весьма скудные, явно недостаточные толкования типа *артишок* «плодовое растение, овощ»; *цинния* «травянистое растение сем. сложноцветных»; *тукан* «птица сем. дятловых» и под. Такие пояснения не отграничивают даже одно значение от другого, не говоря уже о том, что они совершенно не раскрывают структуру их лексического значения. С другой стороны, нередко встречаются избыточные пояснения слов, значение которых всем хорошо известно.

Характер семантической информации для словарных определений в русской лексикографии определяется обычно на основе ее соответствия научным данным. Эти принципы были заложены еще Словарем Академии Российской (1789—1794) и развивались, углублялись последующими словарями. А. А. Шахматов в связи с этим указывал, что научные и технические термины, вошедшие в общее употребление, не должны истолковываться в бытовом плане. Словари советской эпохи сделали существенный шаг вперед в научном истолковании словарного состава языка, впервые в мировой практике они осуществили истолкование социально-политической лексики на основе марксистско-ленинской теории. Общий научный уровень семантической информации значительно повысился.

Ю. Д. Апресян утверждает, что в основе современного словоупотребления лежит «складывающаяся веками наивная картина мира, в которую входит наивная геометрия, наивная физика, наивная психология» и задача лексикографа заключается в том, чтобы «вскрыть эту наивную картину мира в лексических значениях слов и отразить ее в системе толкований»⁴. Нельзя не видеть, что эти положения находятся в явном противоречии со сложившейся лексикографической практикой. Разумеется, уровень общего словоупотребления и словопонимания не совпадает с соответствующим уровнем специалиста, представителя той или иной отрасли научных знаний. Естественно, что и семантическая информация не может полностью совпадать с научной энциклопедической информацией о предмете. Однако это вовсе не означает, что они совершенно различны и полностью исключают друг друга. Общее словоупотребление и словопонимание в современном обществе формируется на основе научных знаний об окружающем мире. Если

⁴ Там же, стр. 57, 58.

говорить о реальностях, то тот уровень словоупотребления, на который ориентируются общие словари, — это уровень среднего образования (большинство советских людей имеют среднее образование). Это означает, что в основе этого словоупотребления лежит не наивное, а научное мировоззрение, не наивные представления, а научная информация, которая определена программой среднего образования. Если взять ту часть лексики, которая является общей для общелитературного языка и научной речи (именно об этой области словаря и идет речь в подобных рассуждениях), то в характере семантических признаков словарных определений и характере тех существенных признаков, которые указываются в соответствующих энциклопедических определениях, больше сходства, нежели различия. Определение значения слова в принципе не может содержать ничего из того, чего бы не было в самом значении слова. Определение вносит нечто новое по сравнению со значением лишь в том случае, если это слово имеет различные значения у различных слоев носителей языка (например, у более образованных и менее образованных индивидуумов) и в словаре определяется то из этих значений, которое наиболее близко к научному понятию. В таком случае это определение будет содержать нечто новое, но лишь по сравнению с тем его значением, которое известно «необразованной» части населения. Основное содержание слов и терминов, денотаты которых являются объектом той или иной науки, образуют наиболее существенные признаки, общие для семантических и энциклопедических дефиниций.

Возьмем, к примеру, слово *высота*. В геометрии значение этого термина определяется как «перпендикуляр, опущенный из вершины геометрической фигуры на основание или его продолжение», в общелитературном языке смысл слова *высота* определяется как «протяженность предмета снизу вверх». Можно найти немало различных примеров проявления этого различия в разных контекстах, однако нельзя не заметить, что это различие имеет вторичный характер, что в основе своей эти толкования тождественны, что подтверждается многочисленными контекстами бытовой и научной речи⁵. То же самое можно сказать о понимании и толковании таких слов, как *атом*, *молекула*, *треугольник*, *окружность*, *планета*, *атмосфера*, *космос*, *вода*, *свет*, *нация*, *труд*, *социализм* и под. Можно всегда найти известные различия в понимании и определении этих слов в научной и бытовой речи, но в основе своей они тождественны, содержание этих слов и в общем словаре составляют наиболее существенные признаки, лежащие в основе научных понятий.

Но одно дело фактическое словоупотребление или словопонимание, другое — это раскрытие значения слова в толковом нормативном словаре. Характер содержания нормативных семантических определений определяется прежде всего не традицией или количеством говорящих, а достигнутым данным обществом уровнем понимания слова или термина в соответствии с данным уровнем развития науки и культуры, образования. Они имеют целью не столько выявить, как понимается и применяется слово, сколько показать, как оно должно применяться и пониматься. Толковые словари — это отнюдь не пассивное зеркало того, что есть в языке, а прежде всего руководство к правильному словоупотреблению, и к ним должны предъявляться такие же требования, какие предъявляются к учебным пособиям. По крайней мере, нельзя навязывать общему языку понятий, которые не свойственны достигнутому обществом уровню общего образования. Разумеется, семантические определения не могут быть по содер-

⁵ Характерно, что значительное число студентов первого курса — 19 из 123 (свыше 15%) — определили значение слова *высота* близко к научному: «расстояние по вертикали от верхней точки до основания».

жанию в полной мере тождественными с энциклопедическими определениями, ко, с другой стороны, они не должны без нужды отклоняться от них, ибо их первейшая задача не снижение, а повышение научного уровня познания значений слов. Более правильным здесь было бы говорить не о согласовании научного понимания и словоупотребления слов и терминов с общелитературным, а о согласовании или сближении последнего с научным пониманием (насколько это возможно в общем словаре).

В толковых словарях советской эпохи нередко встречаются семантические определения, которые не отвечают современному общелитературному пониманию значений слов. Так, уровень среднего образования предусматривает подробное знакомство с химическими элементами, металлами, достаточно известны такие существенные признаки, как атомное строение, распространение в природе, использование в народном хозяйстве, способы их получения или добычи и др. В словарях же к таким хорошо известным словам, как *железо*, *золото*, *алюминий*, *натрий*, *сера*, *олово*, *серебро*, *платина* и др., даются весьма скудные пояснения, суть которых сводится лишь к указанию на их отношение к металлу, цвет, ковкость и др. Например, *олово* «химический элемент, мягкий, ковкий серебристо-белый металл», *платина* «химический элемент, благородный белый металл», *калий* «химический элемент, мягкий металл серебристо-белого цвета» и т. д. Эти толкования отражают лишь уровень понимания восьмилетней или даже отчасти начальной школы. В семантическую структуру современных названий наций, народностей входят также достаточно хорошо известные признаки, как происхождение (генетическое родство), место проживания, численность и др. В толковых же словарях эти слова также толкуются весьма кратко и однообразно по единой схеме: «народ, составляющий основное население такой-то страны». Например, *англичане* «народ, составляющий основное население Англии», *исландцы* «народ, составляющий основное население Исландии» и т. д. Такие толкования отнюдь не отражают того образца в понимании, к которому должен стремиться представитель современного общества. Самым существенным признаком значения названия денежных единиц является указание на их реальную стоимость. Между тем в словарных определениях эти сведения, как правило, отсутствуют, весьма нерегулярно указывается лишь область применения или распространения данной денежной единицы, что обычно всегда известно из окружающего контекста или ситуации. Подобные явно недостаточные определения возникли, несомненно, не без влияния теории, которая во главу угла ставит не научное, а фактическое словоупотребление и понимание. Однако в целом, в подавляющем большинстве случаев семантические определения толковых словарей советской эпохи отвечают современному общелитературному пониманию, отражают уровень среднего (и высшего) образования. Эти толкования являются основой для дальнейшего повышения уровня словопонимания и словоупотребления в соответствии с уровнем развития наиболее высокообразованного общества нашей эпохи.

Утверждают, что построение толкового словаря на научной основе — это несбыточная мечта и что удел лексикографии — констатация наивного донаучного мировоззрения⁶. На самом же деле такие словари уже давно созданы. Как известно, специальные терминологические словари раскрывают содержание слов, терминов в полном соответствии с их научным пониманием. Общие толковые национальные словари также берут за основу научное понимание, согласуя его с уровнем образования читателей, с общелитературным пониманием. История создания этих словарей нагляд-

⁶ Ср. сб. «Semantic problems in language», Camb ridge, 1962.

но демонстрирует процесс расширения и систематического повышения научного уровня семантической информации. Что касается словарей, отражающих лишь фактический (средний) уровень понимания слов, то на пути их создания возникают огромные трудности, связанные с установлением фактического словопонимания и словоупотребления у различных социальных групп. Между тем для широкого круга читателей такие словари вовсе и не нужны: наши современники ищут ответа в нормативных словарях на вопрос о том, как должно пониматься в данное время то или иное слово, а не то, как оно кем-то понимается, применяется.

Традиционная лексикографическая теория и практика исходит обычно из предположения о существовании некоего среднего уровня в понимании слов и терминов общелитературного языка. Между тем фактически такого единого уровня в словопонимании и словоупотреблении внутри той или иной нации не существует и никогда не существовало. Именно поэтому нет четкого определения того, на кого рассчитаны общие толковые словари. Однако если учесть тех лиц, которые реально могут обращаться за справками к толковому словарю, то в современном обществе можно выделить не менее пяти различных уровней: а) уровень учащихся 2—5 классов, б) уровень учащихся 6—8 классов восьмилетней школы, в) уровень учащихся 8—10 классов средней школы и старших курсов технических училищ, г) уровень лиц со средним и высшим образованием, д) уровень специалистов той или другой отрасли знаний. Современные толковые словари русского языка больше соответствуют третьему и четвертому, а отчасти и второму уровню. Между тем для каждого из них необходим специальный толковый словарь с набором соответствующей семантической информации⁷. Каждый из этих словарей должен предлагать лишь такие толкования таких слов, которые необходимы и достаточны для данного конкретного уровня развития. Система толковых словарей, точно ориентированных на определенный уровень развития и понимания слова, позволит наиболее эффективно решать вопрос о построении словаря-справочника, необходимого для усвоения лексико-семантической системы языка. Между прочим, в своей совокупности эти словари не превысят объема большого универсального словаря, ибо словник одного дифференцированного словаря не должен без необходимости повторять словник другого подобного словаря.

Все это означает, что общие требования к содержанию различных семантических определений не могут быть одинаковыми, тождественными, они должны учитывать конкретные цели и обстоятельства их применения. Общим единым требованием ко всем семантическим определениям является лишь требование истинности, научности, однако это общее требование должно трансформироваться в применении к различным уровням знания и развития той или иной социальной группы лиц. Наибольшая степень ограничения научной информации осуществляется в рамках первичных толкований, ориентированных на начальный уровень образования, наименьшая — в рамках семантических определений, предназначенных для лиц со средним или высшим образованием. В рамках специальных терминологических словарей, справочников эти ограничения полностью снимаются. Конечная цель этих требований — не снижать, а поднимать научный уровень толкований, обеспечивать непрерывный процесс уточнения и углубления (обогащения) значений слов, терминов в связи с непрерывным процессом углубления и расширения познания.

⁷ См.: Д. И. А р б а т с к и й, О дидактических определениях, «Советская педагогика», 1972, 8, стр. 72, 77.